

Джосайя Ройс

ФИЛОСОФИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ (в переводе Станислава Горностаева)

К читателю

Предлагаемый перевод первых двух глав 5-го издания известной книги профессора истории философии Гарвардского университета Джосайи Ройса «Философия лояльности» представляет интерес не только для философов, но и для социологов и психологов. Эта книга, пять раз переизданная только в течение шести лет с момента ее первого выхода в свет в марте 1908 года, до сих пор вызывает споры и различные ее толкования у исследователей фундаментальных проблем лояльности.*

Сам Дж. Ройс в предисловии к изданию отмечал, что сама идея лояльности гораздо старше обозначающего ее слова. Но эта идея всегда искажалась в сознании людей традициями и социальными ассоциациями. Философ утверждал, что все слышали о лояльности, многие ее ценят, но лишь единицы осознают ее подлинную сущность и дух, понимают ее значимость для социума. Подобную ситуацию Дж. Ройс во многом связывал с тем, что людям трудно абстрагироваться от конкретного социального контекста применения понятия, «освободить идею от несущественного, навязанного устойчивыми ассоциациями с теми или иными социальными стереотипами и обстоятельствами». Автор ставил задачу прояснения и кристаллизации идеи лояльности, освобождения ее от искажающих и размывающих ассоциаций, зачастую довольно устойчивых, но не отражающих ее сути. Он попытался четко сформулировать понятие лояльности, в отличие от всевозможных размытых или сводящихся к конкретным вещам бытовых трактовок. Комплекс его идей можно рассматривать как первую концепцию лояльности.

Книга, хорошо знакомая западным исследователям лояльности, к сожалению, до сих пор не известна широкому кругу русскоязычных читателей, в том числе тех, кто целенаправленно исследует проблемы лояльности, полагаясь на мнения западных исследователей, так или иначе выступающих последователями идей Дж. Ройса либо его оппонентами.

* Royce J. The Philosophy of Loyalty. New York, Norwood: Macmillan Co, Norwood Press, J.S. Cushing Co, Berwick&Smith Co., 1914. – 409 p.

Дж. Ройс был первым, кто с учетом результатов предыдущей общественно-философской рефлексии в данной области четко сформулировал научную проблему лояльности и предпринял попытку ее решения, понимая, что эпоха социального многообразия и мобильности по-особенному остро актуализирует такую потребность. Книга была издана в США в начале XX века, во время, когда социальная ситуация позволяла лояльности быть не только результатом принятия, но и выбора своей группы принадлежности и своего мотивационного основания деятельности.

При всем идеализме, пронизывающем концепцию лояльности Дж. Ройса, многие ее идеи весьма практичны, глубоко психологичны и актуальны в настоящее время. Практически ни один западный исследователь теоретических проблем лояльности не обошел вниманием это произведение. «Философия лояльности» заложила основы для понимания лояльности как психоповеденческой интегрированности человека в группу, опосредованной единством мотивационных оснований деятельности членов группы. Общее мотивационное основание «cause», которым совместно руководствуются члены группы в своем мировоззрении, отношениях и деятельности, является одним из ключевых понятий в концепции Дж. Ройса наряду с понятием лояльности. Мотивационное основание как комплексный регулятор индивидуальной и групповой активности, интегрирующий различные структуры мотивационной сферы, объединяющий в себе чувственный опыт и конструкты его описания, фиксации и интерпретации, впервые было обозначено Дж. Ройсом как предмет и основа лояльности, как точка соединения личности и группы. Дж. Ройс первым обосновал резонанс личных потребностей с социальными запросами как механизм лояльности. Ученый убедительно развеивал до сих пор распространенный миф о несовместимости лояльности и индивидуализма. Более того, лояльность была обоснована Дж. Ройсом как единственный эффективный путь самореализации в условиях общества и достижения максимального уровня личной удовлетворенности. Работа полна и других значимых и оригинальных идей, которые проходят красной нитью через всю книгу, неоднократно повторяясь и иллюстрируясь в тексте.

Публикация наиболее концептуальных фрагментов произведения, на наш взгляд, должна послужить не просто уточнению термина «лояльность», который практически не использовался в отечественной науке в XX веке (с чем, по всей вероятности, связано его весьма произвольное употребление в настоящий момент как в прикладных, так и в теоретических исследованиях), но и раскрытию истинного научного и практического потенциала данного понятия, а также пониманию сущности идей популярных западных исследователей лояльности.

Книга представляет не только научную ценность. Она задумывалась автором как рецепт практического разрешения ключевых моральных проблем индивидуальной жизни и действительно может представлять интерес в этом качестве и в наше время.

Книга создана автором на основе двух лекций – «Природа лояльности и потребность в ней» и «Индивидуализм», представляющих, на взгляд переводчика, и в том и другом случае наибольшую ценность.

ЛЕКЦИЯ 1

Природа лояльности и потребность в ней

Начало XX века – время пересмотра догм, в том числе и общественной морали

Одной из самых известных отличительных черт нашего времени является тенденция пересматривать традиции, подвергать ревизии основы старых верований и порой беспощадно уничтожать то, что когда-то казалось незыблемым. Подобная склонность, как мы знаем, довольно четко прослеживается в социальной теории и в религиозных верованиях. Но даже точным наукам не удалось избежать этой участи. Современная тенденция в данном вопросе в последние годы наиболее ярко проявилась в области этики. В общепринятой морали, наряду с религией и точными науками, возникла острая необходимость противостоять шквалу критики.

Критика моральных догм стала более серьезной и основательной

Как известно, нравственный закон всегда подвергался нападкам своенравных людей, однако в моральной ситуации наших дней появилась своя специфика. Сегодня среди тех, кто требует великих и основательных изменений в моральных стандартах, которыми мы должны руководствоваться в жизни, не только бездумные или порочные люди, явные противники наших моральных устоев, но и преданные реформаторы, серьезные государственные служащие, ярые приверженцы наступающего духовного порядка... За сравнительно недолгое время прошлых поколений – период социализма и индивидуализма, Карла Маркса, Генри Джорджа, Ибсена, Ницше, Толстого – мы привыкли слышать голоса людей, искренне переживавших за судьбу человечества. Временами они провозглашали наши традиции безнравственными в отношении прав на собственность, временами резко критиковали от имени добродетели существующие семейные узы как недостойные самых высоких идеалов.

Суть критики морали – в переходе от конвенционализма к индивидуализму

Как таковой индивидуализм во многих протестных формах часто утверждает, что он говорит от лица истинной морали будущего. И движение, начатое в Германии Фридрихом Ницше, – тенденция к тому, что этот философский сочинитель рапсодий назвал «превращением всех моральных ценностей», – в последние годы сделало популярным тезис, суть которого заключается в следующем: вся конвенциональная мораль прошлого, вызванная, возможно, ее неизбежностью или временной пригодностью, в принципе ложная; она является просто переходной стадией эволюции и должна быть в корне изменена. «Время делает древнее благо диким» – этими известными словами можно было бы подвести итог духа этого современного восстания против моральных традиций.

Сомнения беспокоят людей, но уже воспринимаются как норма

Рассматривая недавние моральные споры о нравственности, затрагивающие эти вопросы, некоторые из нас испытывают особую тревогу и изумление. Все мы понимаем, что если речь идет о пересмотре основ точных наук со стороны беспокойного духа нашего века преобразований, то точные науки в состоянии сами позаботиться о себе. А вот что касается религии, судьба которой в последнее время глубоко обеспокоила и озадачила множество чувствительных сердец, то как верующие, так и сомневающиеся до сих пор воспринимают эти черты нашего времени со смирением, независимо от того, рассматривают ли они религиозное сомнение как установление Бога иметь дело со своенравным миром или как признак перехода человека к более высокому этапу просвещения.

Пересмотр основ морали все же глубоко затрагивает чувства людей

Однако беспрестанное беспокойство относительно самих основ морали многих из нас особенно обескураживает, поскольку это касается зримого и незримого мира, истин, которые оправдывают тяжкий труд, потраченный на точные науки, и надежд, из любви к которым человеческие религии кажутся ценными. Чего стоят наука и религия, если у самой человеческой жизни, ради облагораживания которой трудились и наука, и религия, нет подлинных моральных стандартов, которыми можно было бы измерить ее ценность? Если сами наши моральные стандарты подвергнуты сомнению, то кажется, что клинок сомнения – именно так некоторые из нас это чувствуют – входит вглубь самого нашего сердца.

I

Моральные основы должны пересматриваться с учетом практического смысла

С точки зрения того, что современная тенденция пересмотра традиций неминуемо расширяется в новых областях, и в частности в области нравов, я полагаю, что исследование некоторых основ нравственной жизни – своевременное начинание. Это начинание я предлагаю в качестве задачи данного курса лекций. Цель моих рассуждений и философская, и практическая. Я, конечно же, должен радоваться (если бы для этого было время) попыткам рассмотреть и систематизировать вместе с вами основные проблемы философской этики. Таким образом я хотел бы, насколько это возможно, подробно обсудить с вами природу, основы и истинность нравственного закона, рассматривая данную проблему с различных сторон, интересующих философов. И я действительно отважусь осветить каждую из этих тем в своих лекциях. Но мне хорошо известно, что в восьми лекциях не уместить сколько-нибудь компетентной трактовки такой

Полезен тот пересмотр моральных основ жизни, который приводит к ее прояснению и упрощению

Орудием пересмотра моральных основ должны стать критичность и открытость для нового

отрасли философии, которую называют этикой, и что вы пришли сюда не затем, чтобы просто узнать, что исследователь философии думает о проблемах своей профессии. Соответственно, я даже не буду пытаться изложить вам какую-либо систему моральной философии. Меня скорее интересует другая цель – практический аспект, на который я должен обратить особое внимание в своих лекциях.

Наши современники, как я уже сказал, сильно обеспокоены перспективой своих нравственных идеалов и моральных обязательств. Мы сомневаемся относительно того, какова же действительно лучшая схема человеческой жизни. Это недоумение не связано с какой-то особой непокорностью, бытующей в наше время, или с общим отсутствием моральной серьезности. И именно наши моральные лидеры, наши реформаторы, наши проповедники в большинстве своем озадачивают нас. Правы ли эти «революционные учителя морали» или нет, трудно сказать, однако они окружают нас, не дают нам передышки, подвергают сомнениям наши моральные суждения, берут на себя ответственность «преобразовывать ценности». Как практический результат всего этого – мы лишаемся уверенности, в которой все нуждаемся, чтобы вершить хорошие дела. Это угрожает благим намерениям многих добросовестных людей. Следовательно, любая попытка рассуждать спокойно и конструктивно об основах моральной жизни может не просто послужить прояснению наших взглядов, но и придать энергию нашим поступкам. Попытаюсь представить вам некоторые фрагменты нравственной философии, а также проверить философию, приблизив ее к жизни. Мне не важно, согласны ли вы с символами из каких-либо моих философских формул, но посредством этих формул я действительно хочу донести до вашего сознания определенную настрой, имея который, вы впредь сможете интерпретировать жизнь, которую всем нам предстоит прожить. Между тем я не хочу бездоказательно опровергать мнения тех реформаторов и просветителей, о чьих озадачивающих нападках на наши моральные традиции я только что говорил, но не хочу и присоединяться к ним, еще более затрудняя ваше понимание. Я хочу, насколько это в моих силах, указать на некоторые пути, посредством которых мы можем разъяснить и упростить нашу моральную ситуацию.

На самом деле я согласен с тем, что во многих отношениях наши традиционные моральные стандарты должны быть пересмотрены. Нам нужны новые небеса и новая земля. Мы неплохо справляемся с поиском того и

другого, каким бы трудным или сомнительным этот поиск ни оказался. Сама наша обеспокоенность моральными вопросами – наша динамичность – уже предполагает такую потребность, и это хорошо. Используя сравнение, предложенное современной библейской критикой, можно сказать: наша общепринятая мораль в действительности является своего рода Пятикнижием, составленным из многих древних документов. Она часто редактировалась заново, она нуждается в критическом пересмотре. Я же – философ-исследователь. Моим принципиальным делом всегда была критика, и в этом курсе лекций я не предложу вам ничего, что бы я ни попытался подвергнуть критическим стандартам и неоднократно пересмотреть.

Результатом пересмотра моральных ценностей должна стать практичная, универсальная и окончательная формула морали

Но, с другой стороны, я не считаю, что такая неопределенность будет всегда. По моему мнению, последнее слово человеческой мудрости не в том, что правда недоступна. И не в том, что правда просто быстра и скоротечна. Я верю в вечное и нахожусь в поисках вечного. Что же касается моральных стандартов, то мне, в частности, не нравятся в качестве моральных идеалов простая ностальгия, духовное отчуждение и беспорядок в умах, которые в наше время слишком распространены. Мне хотелось бы знать путь, который ведет нашу практическую человеческую жизнь домой, даже если этот путь окажется бесконечно длинным. Мне претит простое недовольство. Я хочу, насколько это будет в моих силах, не просто помочь вам пересмотреть некоторые свои моральные стандарты, но и придать этому пересмотру определенную форму и направленность, некоторый образ и оттенок окончательности.

Ответы на моральные вопросы содержатся в смысле старых традиций, хотя их формы сегодня и устарели

Кроме того, поскольку моральные стандарты, как говорила Антигона, не относятся к сегодняшнему дню или вчерашнему, полагаю, что пересмотр в этой области не означает разрыва с прошлым. Я и сам потратил свою жизнь на пересмотр своих мнений. И все же каждый раз, когда я наиболее тщательно пересматривал свои моральные стандарты после изменения направления своих мыслей, я всегда открывал в каком-то новом свете истинное значение, скрытое в старых традициях. Те традиции часто были духовно лучше, чем о них думали наши отцы. Мы, то есть те, кто занимается переосмыслением, иногда можем увидеть этот глубокий смысл, что был скрыт в тех формах, которые сегодня устарели и, возможно, в их прежнем, буквальном толковании даже пришли в негодность. Пересмотр не означает простого разрушения. Мы можем часто обращаться к традиции.

То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. Иногда мы можем видеть в мире мнений своего рода «восстание из мертвых» – восстановление того, что действительно справедливо посеялось в позоре, но было поднято в чести, прославлено и, возможно, на века. Давайте похороним сложившуюся форму традиции. То, что нам нужно, – это ее бессмертная душа.

II

Лояльность,
проявляемая
в конфликте,
в войне, –
распространенный,
но ложный посыл,
не отражающий
ее сущности

Я назвал свои лекции «Философия лояльности». Сразу признаюсь, что это название было навеяно мне в начале прошлого лета книгой, которую я тогда прочитал. Это недавняя работа выдающегося этнолога, доктора Рудольфа Стейнмеца из Гааги, названная «Философия войны». Война и лояльность в прошлом были очень тесно связанными идеями. Одна из задач моих лекций – разрушить в вашем сознании, что я и постараюсь сделать, эту давнюю и пагубную ассоциацию и показать, насколько истинная концепция лояльности была искажена рассмотрением война как самого типичного представителя рациональной лояльности. Р. Стейнмец, однако, придерживается в этом отношении традиционного представления. По его мнению, война дает возможность для лояльного служения, столь известного и важного, что, если бы война исчезла как явление, одно из самых величайших благ цивилизации было бы таким образом безнадежно утеряно. Я остро осознаю резкий контраст между теорией лояльности Р. Стейнмеца и моей собственной. Я согласен с ним, как вы позже увидите, относительно значимости лояльности как центрального принципа моральной жизни, но очень глубоко не согласен в вопросе отношения войны к истинной лояльности и к цивилизации в целом. Именно этот контраст и подсказал мне использовать форму названия книги Р. Стейнмеца.

При использовании термина «лояльность» смешивается множество различных явлений, а точного его смысла до сих пор никто не определил

Словосочетание «философия лояльности» призвано, во-первых, подчеркнуть, что мы рассматриваем лояльность как нравственный принцип, поскольку философия имеет дело с основополагающими принципами. Во-вторых, мое название предполагает, что вопрос будет рассматриваться критически и дифференцированно, а также практически, потому что философия по своей сути – это критика жизни. Не всё, что называется лояльностью, и не каждая форма лояльности должны быть вынесены на наше обсуждение наравне с другими моральными качествами, которые иногда обозначаются или заслуживают обозначаться этим старым термином.

Кроме того, термин «лояльность» пришел к нам как старое, доброе популярное слово без какого-либо точного определения. Наша задача – определить этот термин максимально точно, сохранив при этом дух его предыдущего применения. В оценке места лояльности в моральной жизни мы не должны следовать ни за традиционной властью, ни за голосом частного предубеждения. Нам предстоит использовать наше объяснение как можно лучше, поскольку философия пытается обосновать наши мнения. Мы не должны хвалить вслепую или осуждать в зависимости от нашего настроения. Там, где лояльность кажется полезной, важно осмыслить, почему то, что люди называют лояльностью, вводит их в заблуждение, постараться понять, в чем именно заключалась ошибка.

Лояльность всегда предметна, поэтому важно определить, на что в принципе она может быть направлена или к чему может относиться

Лояльность – универсальное понятие теории морали, поскольку она есть центр и механизм действия любой морали

Поскольку лояльность – понятие относительное, всегда подразумевающее, что есть некий объект, мотиватор, к которому и относится лояльность, мы должны рассмотреть подходящие объекты лояльности. Пытаясь ответить на эти вопросы, наша философия лояльности должна обратиться вглубь, к корням человеческого поведения, к основам наших моральных стандартов, насколько нам позволяет это сделать наше время.

Однако, когда все эти усилия были приложены к философской трактовке нашей темы, когда определенные разграничения между истинной и ошибочной лояльностью были определены, когда мы настояли на подходящих объектах лояльности и обозначили основания наших предположений, появилось отличное практическое наставление, которым я и подытожу свои лекции. Наставление заключается в следующем: лояльность, когда она правильно определена, воплощает в себе целостность морального закона. Вы действительно можете сосредоточить весь свой моральный мир вокруг рациональной концепции лояльности. Справедливость, благотворительность, трудолюбие, мудрость, духовность – всё определимо с точки зрения просвещенной лояльности. И, как я буду утверждать, этот способ рассмотрения морального мира, эта преднамеренная централизация всех обязанностей и всех достоинств одного понятия рациональной лояльности несут большую пользу как средство разъяснения и упрощения запутанных моральных проблем наших жизней и нашего времени.

Понятие лояльности может быть определено через его ключевые характеристики

Таким образом, я объяснил задачу, которую наше название призвано поставить перед нами. Остальная часть этой вводной лекции будет посвящена прояснению нашего пути и просто предварительному – и пред-

положительному – представлению о нашей теме. Но сначала я должен попытаться, хотя бы частично и временно, определить используемый нами термин «лояльность». Конечно, хотелось бы начать с заключительного и точного определения, но пока я не могу это сделать. Почему – вы узнаете в более поздних лекциях. В данный же момент я просто попытаюсь направить ваши умы к некоторым важным для моей концепции лояльности характеристикам.

III

Лояльность – добровольная и полная посвященность человека некоему мотивационному основанию деятельности

Возьмем за предварительное определение лояльности следующее: лояльность – добровольная, практическая и полная посвященность человека некоему мотивационному основанию деятельности. Человек лоялен, когда, во-первых, у него есть какое-то мотивационное основание деятельности, которому он лоялен; во-вторых, когда он добровольно и полностью посвящает себя этому мотивационному основанию, и, в-третьих, когда он выражает свою посвященность каким-либо стабильным и практическим способом, постоянно служа своему мотивационному основанию. К примерам лояльности можно отнести: преданность патриота своей стране, когда эта преданность вынуждает его жить и, возможно, умирать за свою страну; преданность мученика его религии; преданность своей службе капитана тонущего судна, когда после принятия всех возможных мер по спасению пассажиров и членов экипажа он последним покидает судно, а случае необходимости готов и погибнуть со своим кораблем.

Мотивирующую силу лояльности придает ее добровольность

Это типичные образцы лояльности. Они включают, как я сказал, добровольную готовность лояльного человека к служению. Мотивационное основание деятельности лояльного человека обладает мотивационной силой, поскольку является результатом его собственного согласия и собственного желания. Его посвященность принадлежит ему самому. Он выбирает ее или, по меньшей мере, одобряет ее.

Мотивационное основание лояльного человека достаточно сильно, чтобы определять его жизненный путь, но это требует самоконтроля

Самопосвящение лояльного человека носит практический характер. Он делает что-то, что служит его мотивационному основанию. Лояльность никогда не бывает просто эмоцией. Обожание и привязанность могут существовать наряду с лояльностью, но сами по себе никогда не смогут являться лояльностью. Кроме того, самопосвящение лояльного человека предполагает своего рода сдержанность или подчинение его естественных желаний его мотивационному основанию. Лояльность без

самоконтроля невозможна. Лояльный человек служит. Он не просто подчиняется своим импульсам, а сверяется со своим мотивационным основанием, чтобы сориентироваться. Мотивационное основание говорит ему, что надо сделать, и он делает это. Помимо того, его посвященность тотальна. Человек готов жить или умереть в соответствии с его мотивационным основанием деятельности.

Мотивационное основание имеет для лояльного человека субъективную ценность, которая и мотивирует его быть лояльным

А теперь поговорим о самой трудной части этого предварительного определения лояльности: у лояльного человека, как я уже говорил, есть мотивационное основание деятельности. Причем мотивационное основание может быть как хорошим, так и плохим. Я пока еще не рассуждаю, что делает мотивационное основание хорошим и достойным лояльности. Все это следует рассмотреть после. Однако основа такова: если человек лоялен, у него есть мотивационное основание деятельности, которое лично он высоко ценит. Иначе, как он мог бы посвятить ему себя? Поэтому он интересуется этим мотивационным основанием, любит его, гордится им.

Лояльные люди верят в самоценность своих мотивационных оснований

С другой стороны, лояльность никогда не означает простой эмоции любви к вашему мотивационному основанию или просто следование собственному удовольствию, которое можно рассматривать как ваше частное удовольствие и ваш интерес. Как, например, ваша страна, которая включает и вас, больше, чем только вы сами. Она имеет собственную ценность, в которую вы как лояльный человек верите. Сущность ее ценности сохранится (как вы верите), даже если не принимать во внимание ваш частный интерес. Выбираемое вами мотивационное основание должно быть чем-то объективно существующим, не являющимся только вашим индивидуальным. Оно приобретает ценность не только от того, что приносит удовлетворение лично вам. Напротив, вы полагаете, что любите его только из-за его собственной ценности, которую оно сохранит, даже если вас не станет. Возможно, именно поэтому человек готов умереть ради своего мотивационного основания. В любом случае, когда лояльный человек служит своему мотивационному основанию, он не ищет для себя индивидуальных преимуществ.

Мотивационное основание объединяет служащих ему, выступая их общим качеством

Кроме того, мотивационным основанием, которому посвящает себя лояльный человек, никогда не является что-то безличное. Оно касается других людей. Лояльность социальна. Если вы лояльно служите мотивационному основанию, то у вас есть или по крайней мере потенциально могут быть товарищи в этом служении. С

другой стороны, поскольку мотивационное основание в целом имеет тенденцию объединять многих «сослуживцев» в одной «службе», кажется, что у лояльного человека в связи с этим есть своего рода не личное или более чем личностное качество.

Не люди, а мотивационные основания, в которых личное соединяется с надличностным, являются предметом лояльности, объединяя людей

Вы можете любить человека. Но вы можете быть лояльны только тому, что связывает вас и других в своего рода единство, и быть лояльным людям только через эту связь. В мотивационном основании, которому посвящается лояльность, всегда есть этот союз личного и воспринимаемого как надличностное. Оно связывает многих людей в одном служении. Лояльные влюбленные, например, лояльны не просто друг другу как отдельные люди, но и своей любви, своему союзу, который является бóльшим, чем каждый из них или они оба, рассматриваемые как отдельные люди. Сказанного достаточно для предварительного представления о том, какова лояльность. Однако наше определение неполно. Оно поднимает, но не решает вопрос о природе лояльности. Тем не менее таким образом мы действительно получаем первое понятие лояльности, хотя и общего характера.

IV

Конкретные мотивационные основания востребованы конкретными людьми, реализующими их в конкретных формах

А сейчас следующий шаг. Многие люди полагают, что испытывают потребность в лояльности. Лояльность – хорошая вещь для них. Если вы спрашиваете, однако, зачем лояльность необходима данному человеку, ответ может быть очень сложным. Патриоту, по вашему мнению, возможно, необходима лояльность, потому что стране нужна его служба и, как вы добавите, он действительно чувствует себя обязанным служить, поэтому нуждается в своих обязанностях и, можно сказать, в том, чтобы быть лояльным. Этот первый способ определить потребность данного человека в данной лояльности ориентирует на то, что определенное мотивационное основание закономерно требует определенного человека и определенной деятельности. Мотивационное основание, которого придерживается этот человек, хорошее и достойное. Такой человек чувствует себя обязанным служить только этому мотивационному основанию. Следовательно, он нуждается в лояльности, причем именно в такой лояльности.

Определение потребности в лояльности требует целой системы морали

Но чтобы таким образом узнать потребность этого человека в лояльности, вы должны определить, какие мотивационные основания достойны лояльности настолько, что люди чувствуют себя обязанными служить им. Ответы на такие вопросы, по-видимому, пред-

Независимо от мотивационного основания лояльность делает жизнь человека понятной и целостной, что приносит человеку удовлетворенность

Лояльность – отношение, благоприятное для лояльного человека

Польза лояльности открывается в решении главных проблем жизни

полагают целую систему морали – систему, которую на этой стадии нашей дискуссии мы еще не включили в поле зрения.

Но есть и другой, более простой способ измерить ценность лояльности. Можно на время абстрагироваться от всех вопросов относительно ценности мотивационных оснований. Лоялен ли человек хорошему мотивационному основанию или плохому, его личное отношение, когда он лоялен, имеет характерное качество. Каждый, кто лоялен, независимо от его мотивационного основания всегда посвящен ему, активен, готов пренебречь своим своеволием, контролирует себя, любит свое мотивационное основание и верит в него. Лояльный человек находится, таким образом, в определенном состоянии сознания, которое ценно для него само по себе. Жить лояльной жизнью, каким бы ни было ее мотивационное основание, означает избежать многих хорошо известных источников неудовлетворенности. Так, сомнения и колебания часто корректируются лояльностью. Мотивационное основание говорит человеку, что делать. Лояльность позволяет унифицировать жизнь, сделать ее целостной, найти ее центр и придать стабильность.

Все эти аспекты лояльности хороши для лояльного человека. В связи с этим мы можем предварительно определить нашу потребность в лояльности. Так, мы можем взять приблизительное представление о лояльности, преднамеренно абстрагируясь от мотивационного основания лояльности. Таким образом мы можем расценить лояльность в настоящий момент как личное отношение, которое хорошо для самого лояльного человека.

Теперь, в остальной части нашей лекции, я хочу, чтобы вы имели в виду это приблизительное представление о нашей потребности в лояльности. Все, что я сейчас говорю, предварительно. Результаты будут позже. Давайте просто абстрагируемся от вопроса, достойно ли объективно мотивационное основание человека его лояльности или нет. Спросим: что человек получает, будучи лояльным? Предположим, что некое мотивационное основание так воздействует на человека, что он, считая его достойным, становится к нему искренне лояльным. Что хорошего получает лично человек от своей лояльности? Чтобы ответить на этот вопрос даже предварительным способом, я должен действительно пойти скорее дальше и определить для вас, так же все еще очень предварительно, одну из самых известных и трудных проблем в нашей личной жизни.

Решение любого морального вопроса должно базироваться на учете ряда универсальных истин

Мораль приходит к человеку извне, но не становится регулятором, если не становится инструментом реализации собственных желаний человека

Принятие внешних моральных устоев мотивировано желанием избавиться от беспокойства, вызванного противоречивостью личных импульсов

Для чего мы живем? Каковы наши обязанности? Что является истинным идеалом жизни? Каково истинное различие между правильным и неправильным? Что действительно хорошо и в чем все мы нуждаемся? Кто бы ни начинал серьезно рассматривать такие вопросы, вскоре он обнаруживает определенные истины о моральной жизни, которые должен принять во внимание, чтобы добиться успеха, если он должен когда-либо отвечать на эти вопросы.

Первая истина в том, что все мы сначала узнали о том, что должны сделать, каким должен быть наш идеал, и в целом о моральном законе от авторитетного источника, лежащего вне наших собственных желаний. Наши учителя, наши родители, наши приятели, общество, обычаи и, возможно, какие-то религиозные конфессии учили нас тому или иному аспекту правильного и неправильного. Моральный закон пришел к нам извне. Часто он казался нам чем-то другим, отличным от нашего желания, угрожающим или социально вынужденным, навязанным извне. Поскольку наше моральное обучение все еще не завершено, моральному закону, вероятно, в любой момент придется принять заново этот дух внешней власти, с тем чтобы просто получить наше должное внимание. Но если, изучив моральный закон или какую-то его часть, мы обычно не спрашиваем, что нам теперь изучать или как освежить в памяти наши обязанности, а скорее, наоборот, хотим знать, как убедиться, что данный поступок правильный, по какой причине данная обязанность является моей обязанностью, то действительно обнаруживаем, что никакая внешняя власть, рассматриваемая просто как внешняя, не может привести ни одного аргумента, почему поступок правильный или неправильный. Только хладнокровное и разумное видение того, чего я сам желаю, может решить такой вопрос. Моя обязанность – это просто мое собственное желание, возникшее в моем ясном самосознании. То, что я могу справедливо считать хорошим для меня, является просто объектом моего собственного глубокого желания. Ваша собственная воля и ваши собственные желания, однажды четко отраженные самосознанием, предоставляют единственный действительный для вас критерий понимания, что хорошо, а что плохо.

Этот мой комментарий о природе морального закона знаком каждому серьезному исследователю этики. В той или иной форме тот факт, что высший моральный авторитет для каждого из нас определен нашим собст-

венным рациональным желанием, допускается, по-видимому, даже яркими приверженцами власти. Сократ давно сформулировал рассматриваемый принцип. Платон и Аристотель использовали его в развитии своих этических доктрин. Когда святой Августин в своей «Исповеди» рассматривает Божью волю как то, где наши желания могут найти отдых и умиротворение, он действительно делает Божью волю правилом жизни, но он также показывает, что причина, почему каждый из нас, если он просвещен, признает божественное как правильное, то, что, по мнению Августина, Бог так сделал нас, что наши собственные желания по своей природе беспокойны, пока они не упокоятся в гармонии с Божьей волей. Наше беспокойство все то время, пока мы вне этой гармонии, дает нам аргумент в пользу того, чтобы, будучи в просветленном состоянии, отказаться от собственного произвола и своеволия.

Содержание долга
следует из
самопонимания

Если вы хотите узнать, что является правильным и что хорошо для вас, ваши желания должны отразиться в самосознании. Ваша обязанность – определить то, что вы сами желаете сделать, если вы четко понимаете, кто вы и каково ваше место в мире. Это самый первый принцип всех этических изысканий. Кант называл это принципом автономии, или самоопределения, рациональной воли всех носителей морали.

Нельзя познать себя,
просто заглядывая
внутрь себя

Рядом с этим принципом стоит второй принцип, столь же неизбежный и столь же важный. Он заключается в том, что нельзя понять свои настоящие желания, просто задумываясь о своих потребностях или следуя своим сиюминутным капризам. По своей природе «Я» – своего рода место для собраний бесчисленных потоков наследственных тенденций, от момента к моменту, если вы рассматриваете меня помимо моего обучения. «Я» – это коллекция импульсов. Нет никакого желания, которое всегда присутствует во мне. Предоставленный сам себе, я никогда не смогу узнать, каково мое истинное желание.

Удовольствие и боль
влияют
на формирование
желаний

Вы можете вставить здесь знакомое утверждение, что есть одно желание, которое всегда присутствует у меня, а именно желание избежать боли и получить удовольствие. Но как только вы пытаетесь приспособить это утверждение к фактам своей жизни, обнаружите, что оно ничего не упрощает и в лучшем случае просто возвращает вас снова, под новыми названиями к тому хаосу противоречивых страстей и интересов, которые составляют, наряду с результатами научения, вашу естественную жизнь. То, чего мы естественно желаем, определено

для нас нашими бесчисленными инстинктами, какое бы образование мы ни получили. Мы хотим дышать, есть, ходить, бегать, говорить, видеть, слышать, любить, бороться и, помимо других вещей, быть более или менее адекватными. Если одно из этих инстинктивных желаний приводит нас в любой момент к действию, мы, как правило, получаем удовольствие от такого действия настолько, насколько оно достигает успеха. Поскольку действие в соответствии с желанием снимает напряженность, оно обычно сопровождается удовольствием. Когда такие действия невозможны, человек страдает.

Многие желания не формируются болью и удовольствием напрямую

Но только при особых обстоятельствах получаемые удовольствие или боль от успешной или заблокированной активности способствуют формированию главного объекта нашего желания. Всем нам действительно нравится удовольствие, и все мы действительно избегаем боли. Но многое из того, чего мы желаем, определяется инстинктом, отличным от памяти или ожидания удовольствия и боли, и часто противоречит предупреждениям, которые подсказывают нам удовольствие или боль. Более нормально желать еды, потому что человек голоден, чем от предвкушения кулинарных изысков. Именно воды жаждет измученный жаждой человек в пустыне, а не удовольствия и даже не простого облегчения боли как таковой, поскольку большая часть боли появляется в его сознании в основном из-за жажды. Боль тогда действительно становится злом, но это отчасти вторично по отношению к неудовлетворенному желанию. Если боль возникает как грубый факт наших чувств, который мы ненавидим, то даже такая боль – лишь одна из многих бед жизни, из многих нежелательных вещей. Обжегшийся ребенок панически боится огня, но забирающегося наверх ребенка, который инстинктивно повторяет пути своих далеких древесных предков, вряд ли можно удержать болью, полученной при случайном падении.

Абстрактные желания удовольствия или избегания боли еще не определяют ключевых желаний

Кроме того, если бы я даже признал, что всегда желаю удовольствия и избегания боли и ничего иного, я не смог бы узнать из принципа, что в целом я хочу сделать, чтобы получить удовольствие и избежать боли, поскольку ни одно искусство не труднее искусства искать удовольствие. Я никогда не смогу изучить это искусство в одиночку и потому определить свое собственное желание, а следовательно, не смогу понять содержание своего долга только через понятия удовольствия и боли.

VI

Человек по природе не имеет собственных желаний, научиться создавать их – его достижение

До сих пор мы находимся в довольно парадоксальной ситуации. Пока еще это моральная ситуация каждого из нас. Чтобы узнать, в чем моя обязанность, я должен свериться со своим собственным разумным желанием. Лишь я один могу обосновать себе, почему я рассматриваю то или иное как свою обязанность. Но, с другой стороны, если я просто смотрю внутрь себя, чтобы понять, чего я желаю, моя собственная индивидуальная природа, если не брать в расчет пройденное должное обучение, никогда не даст мне ответа на вопрос: чего я желаю? По своей природе я – жертва моей родословной, собрание старых как мир страстей и импульсов, желаю и страдаю каждый раз по-новому, когда мои обстоятельства изменяются, при этом тот или иной из моих импульсов выходит на передний план. По своей природе, кроме специально переданных мне, у меня нет моих личных, собственных желаний. Одна из основных задач моей жизни заключается в том, что я должен научиться иметь свои собственные желания. Изучить и создать ваше собственное желание – одно из самых главных ваших человеческих обязательств. Научиться создавать собственные желания – одно из главных достижений человека.

Обращения человека к себе недостаточно для формирования желаний

Здесь и обнаруживается парадокс. Только сам человек может оценить с моральной точки зрения свои собственные жизненные планы. Ни один внешний авторитет не в силах назвать человеку причину быть обязанным делать что-то. Но и сам человек не может сформировать свои планы в одиночестве. У меня нет врожденного идеала, естественно присутствующего во мне. По своей природе я просто продолжаю вопить в хаотическом своеволии, в соответствии с сиюминутной игрой моих желаний.

Жизненные планы и оформленные желания человек черпает из социума

Откуда тогда я могу узнать какой-либо план жизни? Моральное образование любого цивилизованного человека легко напомнит вам, как этот вопрос решается, пусть частично, за счет постоянного обучения. Каждый получает различные планы жизни, предложенные через модели, которые представлены каждому из нас членами нашей группы. Жизненные планы приходят к нам в ходе бесконечной имитационной активности, которая начинается с детства и продолжается всю жизнь. Мы учимся играть, говорить, входить в нашу социальную сферу, принимать участие в жизни человечества. Эта подражательная социальная активность возникает благодаря нашим инстинктам социальных существ. Социальная активность, воспроизводимая

человеком, – первое, что интегрирует его желания и импульсы, упорядочивая их, хотя и не очень эффективно. Социальный аспект существования предлагает человеку что-то наподобие жизненных планов, когда человек узнаёт свое предназначение, дело жизни, место в обществе. Таким образом, наше предназначение, дело нашей жизни, наша более-менее стабильная деятельность приходят к людям извне. Мы учимся своим желаниям, подражая желаниям других.

Имитация – средство поиска личного пути

И все же это еще не вся правда о нашей социальной ситуации и еще менее полная правда о нашей моральной ситуации. Мы сами никогда не сможем обнаружить внутри самого себя план жизни, который выражал бы наше подлинное желание. Таким образом, все наши планы предложены нам социальным порядком, в котором мы развивались. С другой стороны, из массы планов жизни, предлагаемых социальной средой, человек может выбрать варианты, которые менее хаотичны, но недостаточно упорядочены, рассмотрев планы типичных, но не идеальных жизней. Кроме того, социальное обучение имеет тенденцию не только обучать нас способам жизни других людей, но и – на контрасте – повышать наше врожденное чувство важности собственного жизненного пути. Социальное обучение стимулирует желание самого человека, а также учит его традициям и способам самовыражения. Мы не просто подражаем. Конформизм, конечно, привлекает нас, но и утомляет. Между тем даже посредством имитации мы часто пытаемся найти и осуществить наше собственное желание. Например, мы изучаем речь сначала посредством имитации, но затем любим слушать свою речь. Похожим образом развиваются и наши цельные жизненные планы. Речь, действительно, имеет корни в социальном соответствии, тем не менее язык – «независимый орган» и способен послужить бунтарству. Обучите людей традициям, и вы вооружите их средствами выражения их личности.

Примеряя шаблоны социума, человек ищет себя и свои желания

Обучая социальное существо, вы используете его покорность. Но в результате обучения формируются планы, которые сопоставляются с жизненными интересами, человек понимает, кто он, и в конце концов он становится если не оригинальным, то как минимум непокорным. Таким образом, общество постоянно занято обучением детей, которые могут взбунтоваться против своих матерей. Социальный конформизм предоставляет нам социальные возможности, которые дают нам шанс понять, кто мы такие. Только тогда у человека появляются собственные желания. И мы можем изучить эти

Социализация способствует индивидуализации

Кризисы толкают нас к проверенным путям социума, но, укрепившись, мы вновь ищем индивидуальность

Пути, распространенные в мире, – способ проверить свои желания и утвердить свое «Я»

желания в остром конфликте с желаниями общества. Это то, что обычно происходит с большинством из нас в течение какого-то времени, по крайней мере в юности.

Вы видите, как в целый процесс, от которого зависит моральная жизнь человека, включается эта бесконечная игра внутреннего и внешнего. Как будет определена моя обязанность? Только согласно моему собственному желанию, отраженному в моем самосознании. Но каково мое желание? От рождения я его не знаю, так как я простой вихрь в бурном потоке наследуемых человеческих страстей. Как познать свои желания? Только в процессе социального научения, которое помогает овладеть устоявшимися в мире путями и способами. Но социальное научение не формирует желания напрямую – оно помогает выражать себя, делает умнее, амбициознее, часто ведет к бунтарству, даже учит противодействовать социальному порядку. Циклический процесс, кратко описанный таким образом, продолжается на протяжении жизни многих из нас, проявляясь всё в новых и новых формах на различных стадиях нашего развития.

В любой момент мы можем столкнуться с новыми проблемами, связанными с определением правильного и неправильного, касающимися наших планов жизни. В таких случаях, чтобы понять, как поступить в данной ситуации, мы обращаемся к нашему сознанию, однако часто обнаруживаем, какими своенравными и слепыми в качестве путеводителей бывают наши собственные сердца. Тогда мы пытаемся взглянуть со стороны, чтобы лучше понять пути социального мира. Не увидев внутреннего света, мы пытаемся обратиться за ним вовне – к путям, известным в мире, которые откликаются нам в ходе подражания, и таким образом учимся у других людей, как нам следует жить в сложившейся ситуации. Пробыя идти чужими путями, мы часто начинаем осознавать наши индивидуальные отличия от других людей, что помогает нам лучше понять себя, делает нас индивидуалистичными, мятежными, и мы вновь возвращаемся к самоуправлению. Созерцая путь, которым идет мир, я убеждаюсь, что это не мой путь. Я возрождаюсь. Я самоутверждаюсь. Мой долг есть то, что я считаю своим долгом. И так, возможно, я возвращаюсь к своему собственному своенравному сердцу.

Именно такой процесс продолжается, иногда безнадёжно циркулируя, когда вы нравственно озадачены некоторой сложной ситуацией и после долгих внутренних размышлений отказываетесь от самостоятельного решения и обращаетесь к друзьям за советом. Совет сна-

чала нравится вам, но вскоре он может пробудить ваше своеволие с еще большей силой, чем раньше, в результате чего вы станете более своенравным, а может быть, и более озадаченным. Все мы знаем, что значит обратиться за советом лишь для того, чтобы обнаружить, что мы не хотим этого делать.

Резонанс внешнего во внутреннем – способ появления лояльности

Ни с ним, ни без него я не нахожу того, что кажется мне устоявшимся авторитетом, устойчивым и гармоничным планом жизни, до тех пор, пока не возникнет некое счастливое единство между внутренним и внешним, между моим социальным миром и внутренним, между моей природной непокорностью и путями моих товарищей. Это счастливое единство возникает независимо только лишь от моего социального подчинения, моей покорности как подражательного создания, а превращается точно в то, что я в своих лекциях называю лояльностью. Давайте рассмотрим, что происходит в таких случаях.

VII

Навыков социального влияния, наряду с желанием самоутверждения, недостаточно для формирования четких жизненных планов

Представьте того, чье социальное соответствие было достаточным, чтобы позволить ему освоить много социальных навыков: навыки речи, умение отстаивать свое мнение в споре, влияние на других людей. Представьте, что овладение этими навыками пробудило у этого человека гордость, уверенность в себе, дало ему установку на самоутверждение. У такого человека окажется много того, что можно назвать социальными желаниями. Он не будет всего лишь простым анархистом – он обучится повинности. Он не станет прирожденным врагом общества, если, конечно, судьба не подарит ему выдающуюся возможность обрести свой путь без сомнений. С другой стороны, этот человек должен обрести много своеволия. Он начинает любить успех, мастерство, свои собственные требования. Безусловно, он не сможет найти в себе естественную высшую волю. Он сможет обрести лишь общее намерение определить собственный путь и идти по своему собственному пути. Следовательно, конфликты воли социума и его собственной воли неизбежны, цикличны, бесконечны и составляют всю историю жизни такого человека. Лишь на основании своего социального конформизма, с одной стороны, и его установки быть кем-то – с другой, человек никогда не сможет определить окончательный и последовательный план жизни и свой долг.

Лояльность можно обрести случайно, почувствовав ее привлекательные стороны

А теперь представьте, что в жизни человека появляется какая-либо социальная страсть, например патриотизм. Допустим, что родина этого человека в опасности. Предположим, что в этих обстоятельствах его элементарная

склонность к конфликту соединится с его братской любовью к своим соотечественникам и выльется в ту захватывающую и кровожадную форму гуманного, но разъяренного экстаза, который называют духом войны. Рассматриваемое настроение может или не может быть оправдано мимолетными обстоятельствами. Это не имеет значения. Дух войны, мягко говоря, не очень ясное или рациональное состояние ума. Но одной из причин, по которой он может нравиться людям, является то, что возникновение духа войны, как им кажется, сразу определяет план жизни – план, который решает конфликты своеволия и конформизма. У этого плана есть две характерные черты: 1 – это полностью социальный план, подчиненный общему желанию страны; 2 – это полное возвеличивание своего внутреннего «Я», которое теперь чувствует себя возвеличенным с помощью своей жертвы, облагороженным своей самоотдачей, счастливым быть слугой и мучеником своей страны, уверенным, что через эту самую готовность к самоуничтожению его «Я» получает статус героя.

Обретение лояльности разрешает вечный конфликт конформизма и самоутверждения

Если человек, случай которого мы описываем, одержим подобной страстью, он получает в настоящий момент сознание того, что я называю лояльностью. Эта лояльность больше ничего не знает о старых круговых конфликтах своеволия и соответствия. Собственное «Я» в такие моменты действительно ищет план жизни вовне. «Стране нужен Я», – говорит оно. «Я» смотрит, между тем, внутрь для вдохновляющего обоснования этого плана. «Честь, корона героя, смерть солдата, преданность патриота, – говорит оно, – являются моими желаниями. Я не брошу свои желания. Это – моя гордость, моя слава, мое самоутверждение, быть готовым, если страна призовет». И нет никакого конфликта – ни внешнего, ни внутреннего.

Подчинение и служение в лояльности могут стать путями силы и самовыражения

Насколько мудрой, прочной или практичной такая страсть может оказаться, я не рассматриваю. Но на что я указываю – дух войны, по крайней мере в течение какого-то времени, делает самопожертвование способом самовыражения, дает возможность повиноваться призыву страны, гордо выразить собственную силу. Честь в этой ситуации означает подчинение, а подчиняться – значит найти свой путь. Сила и служение теперь одно и то же. Подчинение больше не противопоставляется наличию собственной воли. У кого-то, может быть, и нет своих индивидуальных, собственных желаний, но есть своя страна.

Лояльность соединяет личные желания с волей социальных сил

Как простой факт человеческой природы существуют социальные страсти, которые имеют две тенденции: 1) усиливать наше самосознание, создавать в нас большее, чем желание выразить собственную волю и отсто-

ять свои права, силу, достоинство, влияние и ценность; 2) объяснить нам, что это наше желание не имеет иной цели, кроме свершения воли привлекательной для нас социальной силы. Эта социальная сила и есть мотивационное основание, которому мы лояльны.

Лояльность основана на понимании социального значения мотивационного основания, способного удовлетворить запросы конкретной личности

Лояльность заостряет наше внимание на некоем мотивационном основании деятельности, выводит нас за пределы нашей собственной личности, чтобы мы могли понять, каково всеобщее значение этого мотивационного основания, в чем его универсальный смысл. Она показывает некий план действий и затем говорит нам: «В этом мотивационном основании твоя жизнь, твое желание, твоя возможность, твоя реализация». Таким образом, лояльность, рассматриваемая просто как личное отношение, решает парадокс нашего обычного существования, показывая нам лежащее за пределами нашей личности мотивационное основание, которому можно служить, а внутри нас – желание радостно служить этому мотивационному основанию, желание, которое насыщается и выражается этой службой.

Сфера возникновения лояльности не меняет ее сущности

Я использовал патриотизм и дух войны просто как первую и знакомую иллюстрацию лояльности. Но, как вы увидите позже, нет никакого необходимого объединения лояльности с войной и есть много других форм лояльности, помимо патриотических. У лояльности есть своя семейная, религиозная, коммерческая, профессиональная формы и много других форм.

Лояльность – личное добровольное следование общему мотивационному основанию деятельности

Сущность ее, какими бы ни были формы, которые она может принять, в том, что человек не может найти план жизни, просто присматриваясь к собственной хаотической натуре, он должен посмотреть на мир социальных соглашений, дел и мотивационных оснований. Лояльный человек – тот, кто нашел и кто видит не просто своих близких, чтобы быть любимым или нет, не простые соглашения, обычаи, законы, которым следует повиноваться, но социально значимое мотивационное основание деятельности или некоторую систему таких оснований, настолько богатых, хорошо организованных и настолько захватывающих, а кроме того, настолько легко обращающихся к его естественному своеволию, что он говорит своему мотивационному основанию: «Твоя воля – моя воля, а моя воля – твоя. В тебе я не теряю, но нахожу самого себя, живя интенсивно настолько, насколько я живу для тебя». Если можно было бы найти такое мотивационное основание и придерживаться его на протяжении всей жизни, удерживая его в поле внимания, неистово любя его и все же спокойно понимая его, постоянно и практически служа ему,

Лояльность всегда облагораживала людей, делала их цельными

то у человека был бы один план жизни, и он был бы его собственным планом, собственным желанием, выражающим все, что он хотел найти через свое самоопределение. И все-таки этот план также был бы планом подчинения, потому что он означает жизнь, подчиненную своему мотивационному основанию.

Во все эпохи цивилизованной жизни были люди, которые находили свою лояльность в той или иной форме сознания и шли с осознанием своей лояльности по жизни. Такие люди могли быть правы или неправы в выборе своего мотивационного основания. Но, по крайней мере, они показали на примере своей лояльности одну особенность осознанной моральной жизни. Они знали, что такое иметь единство целей, что такое быть свободным от сомнений и угрызений совести. Их мотивационное основание было их совестью. Оно подсказывало им, что делать. Они слушали и повиновались не потому, что слепо приняли чужие обычаи, не из-за страха перед внешней властью и даже не из-за того, что казалось им исключительно личной интуицией. Причина в другом. Когда они посмотрели на свое мотивационное основание извне, а затем заглянули в себя, то собственными глазами увидели свою бесполезность, кроме, пожалуй, тех случаев, когда они выступали активными последователями и инструментами реализации своего мотивационного основания. Их мотивационное основание не позволяло им сомневаться. Оно сказало им: «Ты мой, и не можешь поступить иначе». И они говорили мотивационному основанию: «Я твой по своей воле. У меня нет желаний, кроме тебя. Возьми меня, используй меня, управляй мной, реализуй мои потенциальные возможности и возвеличь меня». Это – снова речь патриотов, солдат, матерей и мучеников. Они были привлекательны, благодаря своим желаниям, своей активной лояльности.

Несмотря на недостатки, лояльность решает ключевые вопросы жизни

Люди, лояльные в этом смысле, конечно, существовали в мире и, как мы все знаем, всё еще есть среди нас. И я прошу вас не возражать мне, говоря, что многие из этих людей часто были лояльны очень плохим мотивационным основаниям либо таким мотивационным основаниям, которые сводили их в смертельной схватке друг с другом, и потому лояльные люди были неверно сориентированы. Я прошу вас, прежде всего, не возражать по поводу того, что многие наши современники, сомневающиеся относительно моральных проблем, просто не могут в настоящее время понять, какому мотивационному основанию они должны быть лояльны, так как именно неспособность видеть подходящий и ключевой объект лояльности составляет корень нашего современного морально-

го замешательства и растерянности. Все эти возможные возражения действительно справедливы. Я так же четко вижу их, как и вы, и разберу их в свое время. Но в настоящий момент мы делаем первые наброски нашей будущей философии лояльности. Все эти недостатки лояльности не отменяют одного факта: если вы хотите найти способ жизни, который помог бы вам преодолеть сомнения и сконцентрировать свои силы, то знайте – это должен быть путь, который прошли все лояльные люди с тех пор, как лояльность впервые стала известна людям.

Основа лояльности – обнаружение подходящего мотивационного основания

Какая из форм лояльности правильная, мы увидим позже. Но пока вы не найдете в себе лояльность, вы не сможете обрести единство и мир в вашей активной жизни. Вы должны найти мотивационное основание деятельности, достойное такой же степени самопожертвования, которую переживают солдаты, воодушевленно идущие на верную смерть за свою страну или клан, и которую мученики демонстрируют по отношению к своей вере. Это мотивационное основание должно быть рациональным, достойным и не быть объектом фальшивой преданности. Если вы нашли его, оно должно стать вашей совестью, должно раскрыть вам правду о ваших обязанностях, сделать целостной вашу мотивационную сферу, объединив ваши внешние и внутренние мотивы, особые идеалы и планы. И если мы действительно должны что-то сделать, так это найти такое мотивационное основание. И это мой первый совет в нашем моральном кодексе.

Дух лояльности ведет к обретению ее мотивационного основания

Но, возможно, вы в замешательстве повторите свой вопрос: «Как в нашем дезориентированном современном мире, где сталкиваются идеи, где все старые моральные стандарты безжалостно подвергнуты критике и сомнению, мы сможем найти такое мотивационное основание – всеобъемлющее, определенное, высшее, бесспорное и подходящее для объединения жизни? Что может стать мотивационным основанием, которое рационально обоснует нам самопожертвование, подобное самопожертванию мучеников?» Я отвечаю: «Простейшим решением, основанным на исследовании духа лояльности, является обретение этого самого духа, который является достоянием всех лояльных людей и который вскоре сам безошибочно даст ответ на этот вопрос». Сейчас мы увидели первый отдаленный проблеск того, что я подразумеваю под природой лояльности и нашей общей потребностью в лояльности.

(Продолжение следует)

